

№420 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

ЛОВИ МОМЕНТ!

Нынешнее уставное чтение – отрывок из 18 главы Евангелия Луки о слепом, сидевшем у дороги и просящем милостыню. Как, вдруг он слышит звуки приближающейся толпы – возбуждённый говор, шарканье обуви, возгласы. Почуввав тень близ проходящего, попрошайка останавливает его, ухватив за ногу, и спрашивает: что происходит – что за шум?

Тот, высвобождаясь, буркнул: Иисус Назарянин идёт.

И тут слепец не стал долго раздумывать, он заорал, что есть мочи: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня!

Все вокруг стали пинать его и шикать, мол, замолчи, урод! Но он ещё громче вопил: Сын Давидов! помилуй меня!

Иисус, остановившись, спрашивает: чего ты хочешь от Меня? Он сказал: Господи! чтобы мне прозреть. – Прозри, - ответил Христос. Вера твоя спасла тебя! И нищий тотчас открыл глаза, встал и пошёл, славя Бога...

Слепец не упустил свой шанс, скорее всего, единственный – вряд ли Господь ещё раз шёл бы той же самой дорогой. Не стал раздумывать, терзаться различными вопросами, мол, кто такой этот Иисус? Станет ли Он мне помогать? А способен ли Он мне вернуть зрение? А чьей силой Он действует? Быть может, стоит прежде посоветоваться с фарисеями, учителями народа?

Нет, он сразу же ринулся за помощью и сорвал куш, он выиграл свет и краски окружающего нас мира. Для него наступила новая богатая ощущениями жизнь.

И этот коротенький рассказ ставит перед любым из нас вопрос: а мы как по жизни себя ведём?! Сколько возможностей нами упущено различных – и материальных, и духовных нерешительностью, безверьем, заторможенностью?

Мужчина и женщина

Продолжим новый раздел наших с Вами рассуждений на тему: «Мужчина и женщина», «Отношения между полами», «Христианский брак». Мы уже успели отметить, что христианство занимает уникальное положение: в Церкви безбрачие и брак почти уравниены в правах. Была даже тенденция безбрачие называть превосходящим путём. Тот же апостол Павел даже как бы пропагандирует безбрачие. Не то чтобы выступает против женитьбы или замужества, но говорит, что в первом случае «будете иметь скорбь, а мне вас жаль, так что лучше оставаться, как я» (1Кор7:28), то есть холостым. Такая позиция была бы совершенно немыслима в язычестве, или в Ветхом Завете, или в исламе. В Ветхом Завете несемейный человек – просто дефактивный. В христианстве же ничего подобного мы не найдём. Да, первоначально христианство не знало никакого монашества. Но безбрачие и брак в христианских общинах существовали параллельно. Правда, что касается мира нехристианского, то там есть отшельники. Отшельническая традиция есть в тех же Китае и Индии. Но отшельническая традиция – это совсем другое. Она связана на самом деле с тем, что отшельник порывает свои связи с миром в принципе как с таковым. Отшельничество – это не только и не столько безбрачие. Это полный исход из мира как такового. Вот индийские саньясины и даже китайские монашествующие в каком-нибудь Шаолине – это уже принципиально другая позиция. Для этих людей нет того мира, в котором возможен брак. В христианстве же такого неперменного противопоставления мы не найдём.

Христианские общины ведь были очень разнообразны. То есть с самого начала присутствовала и тенденция довольно сурово-аскетическая (аскеты всегда были в почёте), но при этом и образ женатого апостола Петра тоже достаточно красноречив.

На чём христианство настаивает, так это на том, что человек как личность полноценен в любом положении, женат он или холост, замужем она или нет. Язычнику или человеку с языческой психологией очень сложно понять высоту христианской аскезы и в этом смысле высоту безбрачия, не понять смысла. То есть нередко безбрачие и самими христианами, которые не до конца это чувствуют, воспринимается как некое вынужденное бремя: человеку **хотелось** бы иметь семью, но по каким-то причинам не складывается, и это, конечно, плохо.

Забегая вперед, скажем, что состояние безбрачия тяготит людей в большей степени **психологически** – пресс комплекса неполноценности. Вот просто плохо быть не замужем или холостым – значит, никому не нужен. Вторых: нет семьи, нет детей - значит зря жизнь проходит. Но всё это не совсем так. Мы знаем много примеров и простых людей, и именитых, и церковных, и государственных мужей, которые очень много сделали для ближних. Бывает ведь по-разному – свои дети становятся духовно чужими, а чужие духовно родными, и так далее. Когда Николай Александрович Бердяев писал об этом в нескольких своих произведениях, он отмечал, что в христианстве может быть осуществлено полноценное раскрытие личности мужчины и женщины и в единстве

друг с другом, и порознь.

Маленькое отступление. Все мы можем наблюдать, как христианство меняет мир. И Запад с его болезнями, как бы мы скептически к нему не относились, всё же дольше был христианским. Вот, скажем, Англия - там очень приятно ходить по улицам, очень предупредительные люди, иногда, говорят, даже неловко - столько раз перед тобой извинятся только за то, что не то что задела, а могли задеть, скажем, в метро. Но при этом при всём вот такое внутреннее напряжение: не дай Бог чего лишнего скажешь, приятного женщине, такого, что может быть расценено как подчеркивание слабости - неприятности можно заработать. Женщины, конечно, разные бывают, но если это настоящая английская феминистка (а на лбу ни у кого не написано, кто феминистка, а кто нет), то это будет нехорошо. И это не какой-то курьез, люди к этому очень серьёзно относятся. Смеяться можно сколько угодно, но вот этот цивилизованный мир всё более вращается в такую парадигму существования, когда представители полов воспринимаются как социальные партнеры, абсолютно равноправные. А далее от равноправия делается следующий шаг - к равновеликости и, фактически, к полной идентичности. Вот, скажем, исторически мотивированный стон советских женщин, в особенности славянских: «Куда подевались настоящие мужчины?», какая-нибудь американка или немка, или англичанка восприняла бы как некое самоуничтожение. Да зачем они нам нужны, настоящие или ненастоящие? Какая, собственно, разница? Главное, чтоб можно было вот с **ЭТИМ** человеком иметь некий, особый, связанный со специфической формой отношений социальный контракт (тут с природой не поспоришь) и действовать в рамках этого контракта. А что, как мы знаем, самое главное в социальных отношениях цивилизованного мира? Взаимное уважение достоинства.

Но это **внешняя** сторона. Различение мужественности и женственности **как начал духовных** имеет своё выражение **и в душе, и в теле**. А нас с Вами, в первую очередь, интересует **духовное** измерение вот этих начал, и это очень тонкое различие, но очень существенное. Лишь на высотах духа люди и могут учиться тому, чтобы эти начала друг в друга взаимно проникали и в мужчине, и в женщине, поелику любой из нас, хоть чуточку аскетически настроенный, понимает, насколько в падшем мире мужественность глуха к женственности и наоборот. И это, по большому счету, должно вызывать то предположительное напряжение, которое разворачивает перед человеком перспективу усилий любви. Когда всё-таки супруг или супруга становятся всецело родными. Родной - не означает мной. Я - всё равно я, а она - всё равно она. То есть у неё своё «я». Но я в своем «я» не одинок. В этом «я», в этом духовном измерении она присутствует всё более и более. Речь, конечно, об идеальной картине, это не значит, что в жизни это случается слишком часто. В общем, это цель, а не данность, которая и представляет ту высокую мистику человеческого брака, вероятно, которую освящает Христос. По крайней мере, мы с вами не найдём ничего подобного ни в одной другой духовной традиции - вот того, что брак - это горнило, из которого выходят две целостные личности, взаимно

обогащённые друг от друга, до - в идеале - полного взаимопроникновения, - такого мы действительно больше нигде не встретим. Это настолько тонко и серьёзно, что мы и христианства этого почти не слышим. Надо было иметь сумасшедшинку Владимира Соловьёва или, тем более, гениальные завихрения Бердяева, чтобы до подобных вещей додуматься. Хотя они в этом не единственны. Хорошие слова на эту тему написаны, скажем, профессором Сергеем Владимировичем Троицким в его работе «О назначении брака». Написано такого о христианском браке очень немного, но всё-таки есть. Причём на таком уровне, где мы можем нащупать принципиальное родство христианского брака и христианского же безбрачия. Потому что, как можно догадаться, если речь идёт о некоей взаимной проникнутости начал мужественности и женственности, то это может осуществляться и в браке, и вне человеческого брака. Всё дело в том, что вне человеческого брака, если кто-то избирает для себя путь безбрачия, - то это, с одной стороны, путь прямее. И понятно, почему он прямее - потому что не надо притираться к данному конкретному человеку, не надо уметь отделять в нём его немощи от достоинств, его конкретный облик - от той универсальной женственности, которая нашла своё воплощение именно в этом, привлекшем меня облике.

Безбрачие - прямее. Человек идёт к Богу, следуя Христу, учится быть отзывчивым ко всему, что есть Божье, и, следовательно, и к тому, что называется противоположным полом. Прямее (ещё раз подчеркнём) этот путь потому, что здесь нет того, что апостол Павел называет «скорбями по плоти». Нет вот этого, скажем так, довольно трудоёмкого во всех отношениях пути взаимного приспособления, взаимопроникновения между конкретным мужчиной и конкретной женщиной. Но это же и трудно, с другой стороны. Прямой путь - он и сложнее. Поэтому безбрачие всегда в большей степени подвиг, чем брак. Не надо тут питать иллюзий. Не случайно всё-таки брак всегда воспринимается ещё и как некоторое, если хотите, послабление. Тут мы нередко сталкиваемся с крайностями, и мы будем об этом говорить. Но всё-таки, пока зафиксируем вот это. Сложнее - потому что, понимаете, женственность вообще и мужественность вообще, как духовные качества - это очень тонко и глубоко, и это очень трудно выявляется. А что явно присутствует в падшем мире - это слепая тяга к противоположному полу. Слепая - значит, безличностная, подавляющая. И все люди, достигшие того состояния, которое называется половой зрелостью, об этом знают. И в этом смысле пространство брака намного разреженнее, чем безбрачие. Безбрачный человек всё время на войне в этом смысле, на войне со страстями, с этой вот слепой тягой. Человек в браке имеет возможность выдержать осаду крепости, в которой есть пространство, чтобы уберечься от этой тяги, или как-то ее назовем таким обтекаемым словом: «сублимировать» не столь напряжённо, как это приходится делать безбрачному человеку. Вот это так, в общем. Хотя и так сложно, и так непросто, и никаких гарантий...

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным